

СЕМИПАЛАТИНСКИЕ ЗАМЫСЛЫ ДОСТОЕВСКОГО

(У истоков «Униженных и оскорбленных»)

Семипалатинский период в жизни Достоевского, т. е. период между каторгой и возвращением в Петербург (сюда же присоединяются и несколько месяцев жизни в Твери), — очень важный и противоречивый этап его творческого пути.

Он безусловно привлекал внимание каждого исследователя творчества писателя. Среди работ, специально посвященных анализу семипалатинского периода, следует отметить статью П. Н. Сакулина «Второе начало»,¹ комментарии А. С. Долинина к письмам Достоевского,² книгу В. А. Туниманова «Творчество Достоевского. 1854—1862»,³ а также послесловие Г. М. Фридендера к III тому Полного собрания сочинений и писем Достоевского (3, 489—495) и послесловие И. Д. Якубович к III тому Собрания сочинений Достоевского в 15 томах. Кроме того, ряд соображений высказан во многих монографиях, посвященных творческому пути Достоевского, и в комментариях академического издания Полного собрания сочинений писателя. Однако период этот вызывает весьма разноречивые оценки и споры исследователей. Дело в том, что семипалатинский период, как, может быть, никакой другой в жизни Достоевского, изобилует «белыми пятнами», не сохранилось прямых свидетельств, документальных подтверждений того, над чем писатель работал в эти годы: никаких творческих рукописей Достоевского за этот период до нас не дошло. Косвенные же свидетельства — указания самого Достоевского в его письмах разным лицам — о его многочисленных замыслах, работе над ними, стадиях завершенности этой работы — очень ненадежны, а подчас и недостоверны. Достоевский в силу ряда причин или бессознательно преувеличивал степень готовности своих произведений, или совершенно сознательно мистифицировал своих корреспондентов, так как, во-первых, стремился во что бы то ни стало восстановить свою литературную репутацию в глазах издателей, писателей и критиков и, во-вторых, получить какие-то денежные авансы под будущие сочинения. Поэтому письма Достоевского, оставаясь очень ценными и часто единственными источниками сведений о его творческой жизни, должны привлекаться осторожно и рассматриваться

¹ См. *Достоевский Ф. М.* Письма М., Л., 1930. Т. 2. С. 523—545.

² См. *Достоевский Ф. М.* Письма М., Л., 1928. Т. 1. С. 3, 521, 526, 538, 540, 542, 546.

³ Туниманов В. А. Творчество Достоевского. 1854—1862. Л., 1980. С. 7—67 и др.

⁴ *Достоевский Ф. М.* Собр. соч. В 15 т. Л., 1988. Т. 3. С. 505—510.

критически. Различное отношение к авторским свидетельствам Достоевского и позволило исследователям высказывать подчас противоположные точки зрения на литературную работу писателя в семипалатинской ссылке. Так, П. Н. Сакулин считал, что «в Семипалатинске создано несколько художественных произведений»,⁵ которые не дошли до нас. Наоборот, В. А. Туниманов убежден, что Достоевский в Семипалатинске переживал глубочайший творческий кризис, в результате которого ничего не мог создать законченного. Свидетельства же его о написанных им будто бы произведениях не больше, чем мистификация.⁶

Однако несомненно, что при всех внешних и внутренних трудностях, сделавших семипалатинский период столь мало продуктивным в смысле создания законченных произведений, его никак нельзя считать бесплодным. Он подготовил мощный творческий взрыв 1861 г., когда, вернувшись в Петербург, Достоевский в один год публикует «Униженные и оскорбленные», «Записки из Мертвого дома», «Ряд статей о русской литературе», множество заметок, редакторских примечаний, не считая огромной редакционной работы во «Времени». Все это можно было осуществить только при наличии если не черновых текстов, то огромного количества «заготовок», сделанных ранее. Так что действительно, как писал Достоевский, и на каторге, и в ссылке «внутренняя работа кипела» (28₁, 209).

Предлагаемая статья является еще одной попыткой проанализировать эту работу и предложить еще одну версию становления и развития художественных замыслов писателя, обусловивших его «второе начало». Несмотря на отсутствие рукописей, мы все-таки, с определенной долей вероятности, можем как-то реконструировать ход творческой работы Достоевского. Здесь могут помочь аналогии с другими периодами его творческого пути и историей создания тех произведений, от которых сохранились рукописи различных стадий работы над замыслом. Разумеется, всякие аналогии рискованны, тем более что с годами методы работы писателя могли измениться. Однако какие-то общие принципы творческой работы Достоевского оставались неизменными и могут быть выявлены.

Во-первых, существовало огромное различие между первоначальным замыслом и его окончательным воплощением, по сути это были, как правило, совершенно разные произведения, с разными героями, сюжетными линиями и т. д. Мы убеждаемся в этом, знакомясь с первоначальными подготовительными материалами к тем большим романам, к которым сохранились эти рукописи («Идиот», «Бесы», «Подросток»).

Во-вторых, для работы Достоевского характерна длительная стадия первоначального обдумывания замысла. Эту стадию он особенно любил. В «Униженных и оскорбленных» Иван Петрович признается: «...мне всегда приятнее было обдумывать мои сочинения и мечтать, как они у меня напишутся, чем в самом деле писать их, и, право, это было не от лени. Отчего же?» (3, 169). Однако в дальнейшем, будучи связанным договорными обязательствами с издателями журналов и вынужденный

⁵ Сакулин П. Н. Второе начало // Достоевский Ф. М. Письма Т. 2. С. 532.

⁶ См.: Туниманов В. А. Творчество Достоевского. 1854—1862. С. 12—13

писать к определенному сроку, Достоевский не мог до бесконечности растягивать этот первоначальный период обдумывания. Иное дело в Сибири. Свидетельства о том, что он обдумывает свои произведения годами, вынашивает их в своей голове, а частично и на бумаге, постоянно встречаются в его письмах («Я создал там (на каторге. — А. А.) в голове большую окончательную мою повесть» — 28₁, 209; «Теперь не так как прежде, столько обделанного, столько обдуманного и такая энергия к письму!» — 28₁, 214; «Статья моя — плод десятилетних обдумываний» — 28₁, 229; «...года 1 1/2 сряду, я обдумывал и занимался романом...» — 28₁, 280; «...работой я не торопился; мне приятнее было обдумывать все, до последних подробностей, составлять и соразмерять части, записывать целиком отдельные сцены и главное — собирать материалы. В три года такой работы я не охладел к ней...» — 28₁, 295; «...у меня уже восемь лет назад составила идея одного небольшого романа...» — 28₁, 299; «Я задумал его (роман. — А. А.) в каторге, лежа на нарах, в тяжелую минуту грусти и саморазложения» — 28₁, 351 и т. д. Подобных высказываний можно еще много найти в письмах).

В-третьих, во время этой предварительной стадии обдумывания у писателя возникало несколько вариантов плана или сюжета будущего произведения, как бы исключаящих друг друга, однако работа над ними часто сосуществовала, развивалась параллельно. Это состояние мы можем наблюдать, изучая первоначальные рукописи больших романов. То же первоначальное обилие планов ощущал и сам Достоевский. «Меня мучает сильно обилие материалу для письма», — признается он Михаилу Михайловичу Достоевскому 9 ноября 1856 г. (28₁, 246). И много лет спустя, начиная работу над «Подростком», он писал жене из Эмса: «...работа моя туго подвигается, и я мучусь над планом. Обилие плана — вот главный недостаток. Когда я рассмотрел его в целом, то вижу, что в нем соединились 4 романа» (29₁, 338).

Наконец, надо иметь в виду, что уже самая первоначальная стадия работы над текстом начиналась обычно не с общего плана и его последовательной разработки, а непосредственно с записывания отдельных фрагментов текста: сцен, диалогов, характеристик персонажей. То, что работа и в Сибири шла подобным образом, подтверждают письма Достоевского. «В часы, когда мне нечего делать, я кое-что записываю из воспоминаний моего пребывания в каторге, что было любопытнее», — писал он А. Н. Майкову 18 января 1856 г. (28₁, 207).⁷ «...вся статья в голове моей и на бумаге в виде заметок» (28₁, 246), — сообщает он брату о другом замысле. Позднее, говоря о своем большом романе, Достоевский уверял М. М. Достоевского, что роман обдумывал три года, «собрал бездну материалов (...) и (...) отчасти исполнил, записав бездну отдельных сцен и глав» (28₁, 289). А рассказывая в письме брату о методах своей работы, замечает: «Я, напри(м)ер, сцену тотчас же и записываю, так, как она мне явилась впервые, и рад ей; но

⁷ Тот факт, что работа над будущими «Записками из Мертвого дома» начиналась именно с записи отдельных эпизодов, подтверждают и воспоминания А. Е. Врангеля См.: Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском. СПб., 1912. С. 70.

потом целые месяцы, год обрабатываю ее, вдохновляюсь ею по *несколько раз*, а не один (потому что люблю эту сцену) и несколько раз прибавлю к ней или убавлю что-нибудь...» (28₁, 311). Следы подобной работы мы часто встречаем в записных тетрадях Достоевского.

Таким образом, в течение нескольких лет, во всяком случае с 1855 по 1859 г., Достоевский действительно задумал несколько произведений и сделал к ним много записей. Ему казалось, что еще совсем немного времени, и замыслы эти реализуются в законченные произведения. Это давало ему основания рекламировать возможным издателям, в частности М. Н. Каткову, Г. А. Кушелеву-Безбородко, а также М. М. Достоевскому, А. Н. Майкову, Е. И. Якушкину, которые могли повлиять на его литературную репутацию, как близкий к завершению свой большой роман, над которым он якобы успешно работает и может его печатать частями в журналах. Однако между записями отдельных сцен и фрагментов, которые, к тому же, возможно, относились к различным, исключаящим друг друга вариантам замысла, и созданием окончательного текста была огромная дистанция. Завершить работу в предполагаемые сроки Достоевский явно не мог. А ему поверили и в «Русском вестнике», и в «Русском слове», прислали денежные авансы, и оба журнала ждали обещанного романа. Тогда-то, в начале 1858 г., Достоевский решает оставить роман, а в оба журнала дать по повести. Так возникают «Село Степанчиково» и «Дядюшкин сон». И хотя он уверял, что «Дядюшкин сон» — это эпизод большого романа, «вполне законченный», а «Село Степанчиково» задумано уже восемь лет назад и будет закончено «месяца в два» (28₁, 299—300),⁸ работа, как мы знаем, затянулась: «Дядюшкин сон» был завершён в феврале 1859 г., а «Село Степанчиково» через полтора года (т. е. в июне 1859 г.).

Среди многочисленных упоминаний о задуманных или частично исполненных замыслах произведений (комедия, заметки о каторге, политический памфлет, патриотическая статья, статьи об искусстве и др.) в письмах Достоевского красной нитью проходит мысль о «большом романе». С января 1856 г., когда писатель начинает сообщать корреспондентам о своей литературной работе, в его письмах постоянно звучит тема главного произведения, задуманного еще на каторге, «большой окончательной (...) повести» (28₁, 209), будущего *chef-d'oeuvre*'а (28₁, 314), которое, будучи напечатанным, сразу привлечет внимание, воскресит в публике забытое имя писателя, принесет ему славу и деньги. Упоминания о романе продолжаются до 1860 г., хотя и отличаются некоторой противоречивостью. Уже в январе 1856 г. образ романа раздваивается. «Главная повесть» отложена, а на место ее приходит «комический роман», описывающий «приключения (...) нового героя», который «несколько сродни» автору (см. 28₁, 209). Этот «комический роман» упоминается еще раз в ноябре того же года в письме М. М. До-

⁸ Об этом замысле Достоевский пишет брату 18 января 1858 г.: «В последнее время я, как будто знал, припомнил и создал его план вновь. Теперь все это пригодилось. Сажусь за этот роман и пишу» (28₁, 299). Ясно, что нет никаких оснований связывать «Село Степанчиково» с замыслом «большого» или «комического» романа, как это делали П. Н. Сакулин и А. С. Долинин. См.: *Достоевский Ф. М. Письма*. Т. 2. С. 528, 521.

стоевскому: «Это сочинение очень большое. Роман комический, началось с шуточного и составилось то, чем я доволен. Будут очень и очень хорошие вещи в нем. (...) Отрывки, совершенно оконченные эпизоды, из этого большого романа, я бы желал напечатать *теперь*» (28₁, 246). О «длинном» романе, содержащем «приключения одного лица, имеющие между собой цельную, общую связь, а между тем состоящие из совершенно отдельных друг от друга и законченных само по себе эпизодов», писал Достоевский Е. И. Якушкину 1 июня 1857 г. (28₁, 281). Здесь же говорится, что роман состоит из трех книг, каждая в нескольких частях. «Написана только 1-я книга в 5 частях», остальные две напишутся после, «ибо (...) они составляют хотя продолжение приключений того же лица, но в другом виде и характере и несколько лет спустя» (Там же). Хотя этот роман в письме Якушкину не назван комическим, но то, что он состоит из отдельных приключений героя, объединяет его с замыслом, о котором раньше сообщалось брату. И уже в январе 1858 г. Достоевский пишет о повести (будущий «Дядюшкин сон»), которая представляет собой один из эпизодов «большого романа», совершенно самостоятельный. Если учесть, что из самостоятельных эпизодов, объединенных лишь общим героем, должен был состоять «комический роман», а «Дядюшкин сон» — повесть именно комического содержания, то легко сделать вывод, что повесть эта — осколок задуманного, но ненаписанного «комического романа».

Можно предположить, что «комический роман», насколько можно судить о его композиции, мыслился как широко распространенный в европейской литературе авантурный, или плутовской, роман, образцы которого были прекрасно известны Достоевскому. Подобную композицию (отдельные приключения героя или ряд самостоятельных эпизодов) имели и горячо любимый им «Дон Кихот» Сервантеса, и упоминаемый в письме А. Е. Врангелю от 14 июля 1856 г. «Жиль Блаз» А. Лесажа (28₁, 236).⁹ На русской почве плутовской роман был представлен произведениями В. Т. Нарезного, да и знаменитые «Похождения Чичикова, или Мертвые души» Гоголя имели с ним композиционное сходство.

Надо иметь также в виду, что герой задуманного Достоевским «комического романа» был «несколько сродни» автору, т. е. роман имел автобиографическую основу или автобиографический элемент. В самом деле, собственная судьба Достоевского к моменту выхода его из каторги была столь богата драматическими событиями (ранний и шумный литературный успех, всеобщее внимание к нему в литературных и светских салонах, затем посещение тайного кружка, арест, смертный приговор, тюрьма, каторга, солдатчина и, наконец, надежды на возрождение к новой жизни и прежней славе), что он вполне мог осознаваться как герой большого романа в нескольких книгах. Только уже не вполне комического содержания. Работа над «комическим романом», видимо, ведет к сокращению его комического элемента и росту того, что сам Достоевский называет «страстным элементом». Герой задуманного произведения, если наши предположения о его автобиографической основе

⁹ Позднее, как известно, Достоевский не раз упоминал эпизод из этого романа о столкновении Жиль Блаза с архиепископом Гренадским.

справедливы, должен быть молодым талантливым писателем, т. е. вполне соответствующим романтической традиции, в которой герой-Поэт, герой-Художник были очень распространены. С другой стороны, комический и даже сатирический элемент как изображение низкой среды, окружающей романтического героя, нисколько не противоречил такому замыслу. Это могли быть сатирические зарисовки из жизни петербургского общества, в особенности литературных кругов, отношения с которыми, как мы знаем, у Достоевского складывались подчас напряженно, могли быть и комические изображения провинциального, т. е. семипалатинского, быта и нравов. То, что Достоевский намеревался в своем романе изобразить семипалатинскую жизнь, подтверждается письмами Врангеля: «С нетерпением жду появления Вашего романа, — писал он Достоевскому 29 сентября 1859 г. — Помнится, хотели Вы еще в Семипалатинске описать наши сибирские мучения (речь идет о любовных переживаниях Врангеля и Достоевского. — А. А.) и выставить, мне напоказ, мой характер». А 9 ноября повторяет: «Жду с нетерпением появления Вашего романа; не узнаю ли в нем знакомые личности; помните, как в Сибири Вы собирались все писать и себя, и Х., и меня — да жду наших портретов».¹⁰

Среди подготовительных материалов к задуманному роману, записанных эпизодов присутствовали несомненно и семипалатинские зарисовки. Часть их была использована в «Дядюшкином сне».¹¹ Другие заготовки к «сибирскому роману» были реализованы, как мы увидим, позднее.

Уже находясь в Твери, в 1859 г. Достоевский во время встречи с братом Михаилом Михайловичем рассказал ему о своих до сих пор не осуществленных замыслах и сообщил два сюжета задуманных романов. Один из них был о молодом человеке, «которого высекли и который попал в Сибирь» (28, 351). Возможно, это было развитие того сюжета, в котором сибирские, семипалатинские, впечатления занимали большое место и о котором Достоевский в свое время говорил Врангелю. Можно предположить также, что генетически он восходил к «комическому роману» с автобиографическим элементом. Известно, что слухи о том, будто Достоевский подвергался физическим наказаниям, опровергались и самим Достоевским и Врангелем.¹² В таком случае эпизод физического наказания героя мог писателем реконструироваться на основе его тюремных и каторжных впечатлений, а сам герой и этот эпизод, уж конечно, не носили комической окраски. Так первоначальный замысел авантюрного романа (различные приключения автобиографического героя) с комическим элементом постепенно трансформировался в роман о Сибири, о сибирской жизни автора и, наконец, превращался в историю, довольно трагическую, о герое, подвергнутом унижению и

¹⁰ Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1978. Т. 3. С. 270, 271. Х — Е. И. Гернгросс.

¹¹ См.: Левченко Н. И. Круг знакомых Ф. М. Достоевского в семипалатинский период его жизни // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 1994. Т. 11. С. 235—246.

¹² См.: Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском. С. 14—15. См. также: Громыко М. М. Сибирские знакомые и друзья Ф. М. Достоевского. Новосибирск, 1985. С. 41—51. Здесь рассматривается история возникновения слуха о физическом наказании Достоевского (версия А. Е. Ризенкампа), который опровергается.

репрессиям. Можно думать также, что на каком-то этапе своего развития история эта соприкасалась с будущей книгой о каторге — «Записками из Мертвого дома».

Но был и другой сюжет, рассказанный в Твери брату, — роман-исповедь. В сентябре 1859 г. Достоевский не знал еще, на чем остановиться. «Вот ты теперь и колеблешься между двумя романами, — писал ему Михаил Михайлович сразу после встречи, — и я боюсь, что много времени погибнет в этом колебании».¹³ Однако Достоевский первоначально склоняется к тому, чтобы писать роман о каторге, о Сибири. После разлуки с братом он пишет ему: «Обдумываю роман, который тебе пересказывал, и вместе(е) жаль большого романа. Я думал его писать. Ах, кабы деньги да обеспечение!» (28₁, 336).

Большой роман, или роман-исповедь, это, как считает Достоевский, главное его произведение. Идея его существовала все время и развивалась параллельно с развитием других замыслов. Все время начиная с 1856 г. он что-то записывает для этого романа. Впрочем, может быть, эти записи на каком-то этапе могли относиться и к «комическому роману». В 1858 г., приступая к реализации обещанных в журналы своих сочинений, Достоевский пишет брату: «Роман мой (большой) я оставляю до времени. (...) Этот роман мне так дорог, так сросся со мною, что я ни за что не брошу его окончательно. Напротив, намерен из него сделать мой *chef-d'oeuvre*» (28₁, 299). О том, что работу над своим главным детищем — «большим романом» он вынужден временно оставить, Достоевский сообщал также с грустью и Якушкину (см. 28₁, 302) и Каткову (28₁, 308), забыв, видимо, что именно этот роман он и предлагал ему ранее в «Русский вестник». Это был роман в трех книгах, каждая из которых — самостоятельный этап в жизни героя (см. 28₁, 295—298). Одной из причин, по которой роман был отложен, явилась оторванность писателя от современного общественного движения, наступившего после смерти Николая I. «Роман же я отложил писать до возвращения в Россию, — сообщает Достоевский брату 31 мая 1858 г. — Это я сделал по необходимости. В нем идея довольно счастливая, характер новый, еще нигде не являвшийся. Но так как этот характер, вероятно, теперь в России в большом ходу, в действительной жизни, особенно теперь, судя по движению и идеям, которыми все полны, то я уверен, что я обогачу мой роман новыми наблюдениями, возвратясь в Россию» (28₁, 311).

Если наши предположения о том, что намечаемые в романе различные этапы жизни героя как-то связаны с биографией автора и должны были бы охватить его блестящий литературный дебют, тюрьму, каторгу и Сибирь, то вполне вероятно, что последнюю книгу романа Достоевский предполагал теперь посвятить возвращению героя в Россию, в Петербург, в мир новых веяний и оживленных общественных дискуссий. Замаячивший было перед ним замысел «романа из петербургского быта» (28₁, 289) также намекает на то, что взоры его из Сибири обратились к современной столице.

¹³ Ф. М. Достоевский: Материалы и исследования / Под ред. А. С. Долинникова. Л., 1935. С. 515.

В Твери Достоевский продолжает вынашивать этот замысел. Если в сентябре 1859 г. он склонялся к сюжету «сибирского романа» (назовем его так условно), то уже 1 октября принимает другое решение. «...я решил так, — пишет он брату, — начать писать роман (большой — это уже решено) — пропишу год. (...) Он так хорошо скомпоновался, что невозможно поднять на него руку, то есть спешить к какому-нибудь сроку. Хочу писать свободно. Этот роман с идеей и даст мне ход» (28₁, 339). А 9 октября писатель развивает свои идеи, сообщая об этом главном своем замысле. «Не помнишь ли, я тебе говорил про одну „Исповедь“ — роман, который я хотел писать после всех, говоря, что еще самому надо пережить. На днях я совершенно решил писать его немедленно. Он соединился с тем романом (страстн(ый) элемент), о котором я тебе рассказывал. Это будет, во-1-х, эффектно, страстно, а во-2-х, все сердце мое, с кровью положится в этот роман. Я задумал его в каторге, лежа на нарах, в тяжелую минуту грусти и саморазложения. Он естественно разделится романа на 3 (разные эпохи жизни), каждый роман листов печатных 12. В марте или в апреле, в каком-нибудь журнале, я напечатаю 1-й роман. (...) „Исповедь“ окончательно утвердит мое имя» (28₁, 351). Ясно, что здесь идет речь о том же замысле, о котором еще в Семипалатинске писал Достоевский Якушкину и Каткову. Автобиографическая основа романа, т. е. то, что это роман о становлении художника, подтверждается замечанием Михаила Михайловича, что задуманные «два больших романа будут нечто в роде *Lehrjahre und Wanderungen*» Вильгельма Мейстера.¹⁴

Достоевский, как и прежде, убежден, что работа пойдет очень быстро. «...у меня в будущем году еще две вещи могут быть напечатаны: „Мертвый дом“ и *первый эпизод большого романа*», — заявляет он в письме к брату 11 октября 1859 г. (28₁, 353). На сей раз он был недалек от истины. Отрывок из «Мертвого дома» действительно впервые появился в печати в 1860 г. Весь же роман стал публиковаться в 1861 г. Что же касается «большого романа», то он претерпел еще одну метаморфозу.

В задуманный братьями Достоевскими журнал «Время», который должен был выходить с января 1861 г., нужен был роман. И Достоевский предложил брату написать его. Позднее, уже после смерти Михаила Михайловича, Достоевский так рассказывал о создании «Униженных и оскорбленных»: «Я сам уверил брата, что весь план у меня давно сделан (чего не было), что писать мне будет легко, что первая часть уже написана и т. д. Здесь я действовал не из-за денег» (20, 133). Действительно, два обстоятельства руководили писателем в тот момент: 1) стремление поддержать начинание брата, которому Достоевский был многим обязан и хотел отплатить своим литературным трудом, и 2) желание высказаться, довести до читателя свой давнишний грандиозный замысел. Но вот тут-то и не получилось.

Как уже было с ним в Семипалатинске, когда он обещал написать повесть в два месяца, Достоевский преувеличил степень своей готовно-

¹⁴ Там же. Письмо к Достоевскому от 21 октября 1859 г. Упоминание о «двух больших романах» может быть подтверждением того, что и роман о Сибири имел автобиографическую основу.

сти. Хотя роман обдумывался много лет, он имел такое количество планов, столько разных вариантов развития сюжета, что справиться с ними быстро писатель не сумел. Сказывался, конечно, и длительный перерыв в литературной работе. Ведь и две семипалатинские повести писались трудно и встречены были холодно. И в результате Достоевскому, вынужденному работать к сроку, пришлось исказить, упрощать и портить свой замысел. Приступая к роману для журнала «Время», писатель еще лелеял надежду осуществить свой давнишний грандиозный замысел. Об этом свидетельствует письмо к А. И. Шуберт от 3 мая 1860 г.: «Воротился я сюда (в Петербург из Москвы. — А. А.) и нахожусь вполне в лихорадочном положении. Всею причиною мой роман. Хочу написать хорошо, чувствую, что в нем есть поэзия, знаю, что от удачи его зависит вся моя литературная карьера. Месяца три придется теперь сидеть дни и ночи. Зато какая награда, когда кончу! Спокойствие, ясный взгляд кругом, сознание, что сделал то, что хотел сделать, настоял на своем» (28₂, 9). Видимо, М. М. Достоевский, имевший основания не доверять уверениям брата, что его «большой роман» поспеет к сроку, отговаривал его от осуществления именно теперь этого его грандиозного замысла. Но Достоевский «настоял».

Однако Михаил Михайлович оказался прав. Ближайшие три месяца ушли, видимо, по-прежнему на выработку плана, а к написанию связного текста Достоевский приступил не ранее сентября. «Я же приступаю к писанию, — сообщал он А. П. Милюкову 10 сентября 1860 г., — и не знаю еще, что будет...» (28₂, 15). А сроки поджимали. И замысел стал резко меняться. «Униженные и оскорбленные» создавались, если можно так выразиться, на развалинах «большого романа», и многие строительные блоки, заготовленные для него, были теперь пущены в дело. Сохранился автобиографический герой, исповедальная форма от первого лица. Сохранился, хотя и в усеченном виде, рассказ о разных эпохах в жизни героя: его первоначальном литературном триумфе, каком-то непонятном падении, кризисе и новом этапе в жизни, когда все приходится начинать как бы с нуля. То, что первоначально предполагалось описать в разных книгах, посвятив каждому этапу жизни героя как бы отдельный роман, теперь наскоро было сведено вместе. Исследователи давно отмечают временные и хронологические несоответствия описанных в романе событий. Между экспозицией романа — появлением в печати первой книги Ивана Петровича, восторженным отзывом «критика Б.» (здесь Достоевский очень прозрачно и осознанно напоминал читателю о появлении его «Бедных людей» и отзыве В. Г. Белинского) и его основным действием, совпадающим с эпохой подготовки великих реформ 60-х гг., проходит всего один год. Т. е. смерть Белинского, о которой упомянуто в «Униженных и оскорбленных», происходит уже во время реформ. Но в романе есть не только исторические, но и психологические неувязки. Непонятно, как за один год Иван Петрович из знаменитого литератора, принимаемого в светских салонах, модного и преуспевающего, превратился во всеми забытого, больного и нищего литературного поденщика. Однако в «Униженных и оскорбленных» есть намеки на какие-то обстоятельства, оставшиеся тайной для читателя. Иван Петрович не раз упоминает о

«большом романе», над которым он продолжает работать, возлагая на него все свои надежды. «В то время (...) я еще сотрудничал по журналам, писал статейки и твердо верил, что мне удастся написать какую-нибудь большую, хорошую вещь. Я сидел тогда за большим романом...» (3, 177). Так начинается глава II. Ситуация, здесь описанная, типична для начинающего писателя, но ведь Иван Петрович был уже знаменит и прославлен. Почему он должен снова выступать в роли начинающего? Не отражает ли эта ситуация состояние Достоевского, вновь вернувшегося в литературу и переживающего свое «второе начало»? В главе X вновь описывается это тревожное состояние Ивана Петровича. «Я все еще писал тогда мой большой роман; но дело опять повалилось из рук; не тем была полна голова... (...) Помню, пришло мне тоже на мысль, как бы хорошо было, если б каким-нибудь волшебством или чудом совершенно забыть все, что было, что прожилося в *последние годы*; все забыть, освежить голову и опять начать с новыми силами. Тогда я еще мечтал об этом и надеялся на воскресение» (3, 207. Курсив мой. — А. А.).

Думается, можно утверждать, что «большой роман», над которым работает Иван Петрович, это не «Неточка Незванова», как указывается иногда в комментариях к «Униженным и оскорбленным», а тот главный роман, будущий *chef-d'oeuvre*, работу над которым так не хотелось оставлять Достоевскому. Что же касается тех тяжелых переживаний, тех обстоятельств, которые случились «в последние годы», то здесь тоже приходят на ум трагические обстоятельства жизни самого Достоевского. Ведь романый Иван Петрович всего год назад был знаменит и счастлив.

В «Униженных и оскорбленных» можно отыскать и другие элементы, связанные с первоначальным замыслом «большого романа». Рассказывая об истории создания «Униженных...» в «Примечаниях» к статье Н. Страхова «Воспоминания об Аполлоне Александровиче Григорьеве», Достоевский признается, что, приступая к его писанию, он был уверен лишь в том, «1) что хоть роман и не удастся, но в нем будет поэзия, 2) что будет два-три места горячих и сильных, 3) что два наиболее серьезных характера будут изображены совершенно верно и *даже художественно*» (20, 134). Обратим внимание на третье утверждение, так как оно проливает какой-то свет на эмбрион замысла: показать и, видимо, противопоставить два характера, т. е. обрисовать столкновение, конфликт между двумя героями. Вспомним в связи с этим набросок неосуществленного замысла Достоевского, относящегося к концу 1859—началу 1860 г. и озаглавленного «Весенняя любовь». Трудно сказать, возник ли этот замысел впервые осенью 1859 г. или явился каким-то вариантом, развитием задуманного ранее. Между тем намеченные здесь два героя — князь и литератор, сложные отношения дружбы—вражды между ними, любовный треугольник, положенный в основу сюжета, позволяют думать, как справедливо заметил комментировавший в Полном собрании сочинений «Весеннюю любовь» И. З. Серман, что здесь отразились отношения «между Достоевским и его молодым семипалатинским другом, бароном А. Е. Врангелем» (3, 539). Однако тут же И. З. Серман добавляет, что никаких «точных данных об отражении

в этих набросках повести каких-либо реальных событий (...) у нас нет» (Там же). Думается все-таки, что Достоевский отразил здесь кое-какие события семипалатинской жизни, связанные с Врангелем и некой Мариной О., о которой рассказывает Врангель в своих воспоминаниях. Марина, шестнадцатилетняя девушка, очень красивая, была дочерью ссыльного поляка, опустившегося пьяницы. М. Д. Исаева приняла в ней какое-то участие и взяла в свой дом, где и увидели ее Врангель с Достоевским. После отъезда Исаевых в Кузнецк Достоевский стал заниматься с Мариной О., образование которой было совершенно заброшено. По словам Врангеля, она «явно благоволила к своему учителю», и Врангель надеялся, что это вызовет ответное чувство Достоевского. Судьба Марины сложилась трагически: ее выдали замуж насильно «за старого необразованного хорунжего Семипалатинского казачьего полка. Марина его ненавидела и кокетничала со всеми по-прежнему». Врангель добавляет, что впоследствии, когда Достоевский был уже женат, Марина продолжала преследовать его своим кокетством, вызывая приступы ревности у Марии Дмитриевны.¹⁵

Разумеется, «Весенняя любовь» — не описание подлинных семипалатинских событий, но в какой-то своей основе восходит к ним. Нельзя не согласиться с И. З. Серманом и в том, что любовный треугольник, где «князь» и «литератор» являются соперниками, перенесен в «Униженные и оскорбленные», «но в совершенно ином виде и с другим социально-психологическим наполнением» (Там же).

«Два характера», о которых думал Достоевский, начиная роман для журнала «Время», в «Весенней любви» налицо. Мысль о противостоянии двух характеров, двух героев лежала и в основе замысла «Села Степанчикова». Во всяком случае, говоря об этом произведении в письме брату от 9 мая 1859 г., когда повесть была близка к завершению, писатель подчеркивал, что в ней «есть два огромных типических характера, создаваемых и записываемых пять лет, обделанных безукоризненно (по моему мнению), — характеров вполне русских и плохо до сих пор указанных русской литературой» (28₁, 326). Если в «Селе Степанчикове» противопоставление двух характеров — Опискина и Ростанева — легло в основу сюжета и по крайней мере один из них — Фома Опискин — оказался действительно образом огромной обобщающей силы, то в «Униженных и оскорбленных» трудно найти характеры, вставшие в художественном отношении наравне с образом Фомы. То, что намечалось в «Весенней любви» и, может быть, раньше, а может быть, и позднее, в романе реализовано не было. Герои-соперники — Иван Петрович и Алеша Валковский не получили ярких характеров, типами.

Тем не менее мы можем утверждать, что идея двух характеров, понимаемых как противоположности, связанных сложными отношениями (обычно соперничающими в любви), которые и определяют развитие сюжета, — такая идея лежала в основе большинства последующих произведений Достоевского, являясь часто, так сказать, прасюжетом многих его замыслов. И действительно, противопоставление двух характе-

¹⁵ См.: Врангель Е. А. Воспоминания о Ф. М. Достоевском. С. 47, 82—84.

ров, некие контрастные пары мы часто встречаем у Достоевского. Это Мышкин и Рогожин в «Идиоте», Вельчанинов и Труссоцкий в «Вечном муже», Аркадий и Версиков в «Подростке», отчасти Митя и Иван в «Братьях Карамазовых». То же можно сказать и относительно женских характеров: Наташа и Катя в «Униженных и оскорбленных», Настасья Филипповна и Аглая в «Идиоте», мама и Ахмакова в «Подростке», Грушенька и Катерина Ивановна в «Братьях Карамазовых».

Мысль о «двух характерах» зародилась у Достоевского, если верить его признанию в письме брату, еще на каторге, тогда, когда он задумал будущую «главную свою повесть». Возможно, что противостояние двух характеров предполагалось изобразить в «большом романе». В таком случае «Весенняя любовь» была как-то связана с этим замыслом, в целом возникшим гораздо раньше, но, как мы пытались представить, претерпевшим много изменений и имевшим разные варианты сюжета.

«Униженные и оскорбленные», хотя и восходили первоначально к подобному замыслу, стали романом на другую тему: социальные противоречия здесь взяли верх над психологическими. Под влиянием ли требований времени (общественный подъем, обострение социальных вопросов), или в силу некоторой робости, неуверенности в себе после столь неудачного выступления с «Селом Степанчиковым», которое явно пришлось не ко времени и не было по достоинству оценено критикой, но только Достоевский отказался от изображения тех противоречивых характеров и тех сложных неоднозначных взаимоотношений героев, которые намечались в «Весенней любви». В «Униженных и оскорбленных» писатель не стал погружаться в духовные бездны своих героев и не создал, кроме, может быть, Нелли, сложных и противоречивых образов. Тема социального неравенства и социального угнетения оказалась преобладающей. «Князь» и «Литератор» «Весенней любви» как бы упростились и выпрямились. Однако в этих персонажах сохранились и даже усилились связи с их реальными прототипами — Достоевским и Врангелем. Доказывать автобиографическую основу образа Ивана Петровича не приходится. Что же касается связи образа Алеши с Врангелем, то она, очевидно, еще не была отмечена исследователями. А между тем для подобных заявлений есть основания.

Как мы помним из писем Врангеля, они с Достоевским в Семипалатинске обсуждали замысел романа, в котором Достоевский будто бы собирался изобразить семипалатинское общество и «выставить напоказ» Врангелю его характер. Разумеется, представления Врангеля о художественном творчестве были достаточно наивны: «Жду с нетерпением появления Вашего романа; не узнаю ли в нем знакомые личности (...) жду наших портретов», — писал он Достоевскому. Достоевский не собирался просто описывать реальных людей и реальные жизненные ситуации, однако характер Врангеля его, видимо, заинтересовал как возможный материал для создания художественного образа. Во всяком случае, посылая с Врангелем, уезжающим в Петербург в январе 1856 г., письма к М. М. Достоевскому и А. Н. Майкову, писатель заключает в них подробную характеристику подателя письма, вряд ли необходимую в случае обычной рекомендации, тем более, что Врангель был знаком с адресатами писем. Но здесь уже чувствуется некая литературная разра-

ботка характера. В письме брату Достоевский так его обрисовывает: «Это человек очень молодой, очень кроткий, хотя с сильно развитым point d'honneur, до невероятности добрый, немножко гордый (но это снаружи, я это люблю), немножко с юношескими недостатками, образован, но не блистательно и не глубоко, любит учиться, характер очень слабый, женски впечатлительный, немножко ипохондрический и довольно мнительный; что другого злит и бесит, то его огорчает — признак превосходного сердца» (28₁, 199—200). И далее в том же письме Достоевский сообщает о любовном увлечении Врангеля, что просит держать в секрете. «Кроме этого секрета, — продолжает Достоевский, — я тебе расскажу, что он не совсем ладит с отцом, который человек характера упрямого, странного, мнительного и подозрительного. Отец любит его ужасно, но требует, напри(м)ер, чтоб он до сих пор не смел сделать ни шагу без его воли, до мелочей (все из любви), сам богат и даже очень, а с детьми скуп; а мой барон и сам не хочет брать, ибо тот имеет привычку попрекать деньгами, данными детям. Всего в нескольких строках не расскажешь. Но я предвижу и знаю, что у него могут быть большие неприятности с отцом» (28₁, 205). А в написанном одновременно с этим письме к Майкову Врангель так охарактеризован: «...человек очень молодой, с прекрасными качествами души и сердца (...) дам Вам два слова о его характере: чрезвычайно много доброты, никаких особенных убеждений, благородство сердца, есть ум, — но сердце слабое, нежное, хотя наружность с 1-го взгляда имеет некоторый вид недоступности. (...) Круг полуаристократический или на 3/4 аристократический, баронский, в котором он вырос, мне не совсем нравится, да и ему тоже, ибо с превосходными качествами, но многое заметно из старого влияния. (...) В заключение: он немного мнителен, очень впечатлителен, иногда скрытен и несколько неровен в расположении духа. Говорите с ним, если сойдетесь, прямо, просто, как можно искреннее и не начинайте издалека» (28₁, 207).

В дальнейшем, в переписке с самим Врангелем (к сожалению, письма Врангеля, посылаемые в Семипалатинск, до нас не дошли) Достоевский помимо своих дел (Врангель хлопотал за него в Петербурге через разных лиц) обсуждает и дела своего корреспондента, прежде всего его сложные отношения с отцом, который намеревался выгодно женить сына вопреки его желанию. «Я вовсе не хочу сказать, чтоб Вы поступали против своих настоящих чувств и мыслей, — пишет Достоевский Врангелю 13 апреля 1856 г. — Вас, например, Вы пишете, хотят женить. Выгодно, но ведь не одни деньги в жизни. Все это давно уже известно и об этом нечего говорить. Всякий поступает по совести, а порядочный человек по совести и рассчитывает» (28₁, 227—228). Однако Врангель начал, видимо, испытывать симпатии к предполагаемой невесте, заколебался и стал просить совета у Достоевского. На что тот ответил 25 января 1857 г.: «Вы пишете (и совета просите) насчет брака с m-lle К. Но, друг мой, за глаза советов давать невозможно. Одно скажу: если Вы сами называете ее ангелом, то не упускайте случая быть счастливым на всю жизнь. Нет возможности не полюбить чистое, праведное создание, которое назовете своею женою и полюбите хоть не страстью, но святее и выше и прочнее, чем кого-нибудь, — будьте

уверены» (28₁, 267). Достоевский намекает здесь на мучительную и бесперспективную любовь Врангеля к Е. И. Гернгросс и искренне желает ему излечиться от этой страсти. При этом он настоятельно рекомендует Врангелю определенным образом договориться со своим отцом относительно денежного содержания, которое тот обещал сыну. Достоевский предполагает, что старый барон решает женить сына на богатой, чтобы совсем ничего не давать ему. Жизнь же на средства жены будет, по мнению Достоевского, унижительной и невыносимой для молодого человека. «Если отец Ваш готов обеспечить Вас и дать Вам 5000 руб. в год, то не упускайте этого из виду, но сделайте так, чтобы эти 5000 были верные и не зависели от того, как подует ветер, от расположения отца. Это необходимо» (Там же).

Отношения Врангеля с отцом продолжают обсуждаться в его переписке с Достоевским. Писателя они, видимо, очень заинтересовали, и он дает в письме к Врангелю от 9 марта 1857 г. характеристику его отца. Возможно, при этом он вспоминает свои отношения с отцом и как-то проецирует характер старшего Врангеля на характер М. А. Достоевского.¹⁶ «Я знаю, чрезвычайно хорошо знаю (по опыту), — пишет Достоевский, — что подобные неприятности нестерпимы, и тем более нестерпимы, что Вы оба, я знаю это, любите друг друга. Это своего рода бесконечное недоразумение с обеих сторон, которое чем далее идет, тем более запутывается. (...) Характеры, как у Вашего отца — странная смесь подозрительности самой мрачной, болезненной чувствительности и великодушия. Не зная его лично, я так заключаю о нем, ибо знал в жизни, два раза, точно такие же отношения, как у Вас с ним» (28₁, 272).

Чрезвычайное внимание Достоевского к характеру Врангеля, сказавшееся в письмах к Михаилу Михайловичу и Майкову, совпадало по времени с тем замыслом романа из семипалатинской жизни, который Достоевский и Врангель обсуждали и в котором, по свидетельству Врангеля, Достоевский намеревался его изобразить. Что касается обстоятельств жизни Врангеля — его сложных взаимоотношений с отцом и предполагаемой женитьбы по расчету, то и они отложились в сознании Достоевского как возможный материал для литературного использования.

Во всяком случае, приступив в 1860 г. к написанию романа для журнала «Время», в основе которого, как мы помним, предполагалось изобразить взаимоотношения «двух характеров», Достоевский, оставив замысел «Весенней любви», обратился к старым семипалатинским впечатлениям, а может быть, и литературным заготовкам. В самом деле, характер Врангеля, каким он описан в 1856 г., очень напоминает Алешу Валковского. Здесь те же молодость, доброта, чувствительность, женственность, слабость воли, недостаточное (поверхностное) образование (вспомним, что Алеша так же, как и Врангель, только что окончил курс в лицее), отсутствие убеждений, светский, аристократический тон, который иногда прорывается в отношении Алеши к Ивану Петровичу.

¹⁶ Это отмечено А. С. Долининым в его комментариях к письмам Достоевского. См.: *Достоевский Ф. М. Письма*. Т. I. С. 537. См. также: 28₁, 482.

Многие черты характера Врангеля, которые особо подчеркивал Достоевский, гипертрофировались в образе Алеши Валковского, однако близость этого героя к его семипалатинскому прототипу вряд ли стоит отрицать.

Так же были использованы, подвергшись определенной переработке, и обстоятельства жизни Врангеля. Его отношения с отцом, властным и деспотичным, который шагу не давал сделать сыну самостоятельно, который, будучи богат, старался не давать ему денег, а стремился женить сына на богатой, — все эти обстоятельства воспроизведены в «Униженных и оскорбленных». Обыграны в романе и колебания Врангеля в отношении невесты, m-lle K., которую навязывает ему отец. Он видит в ней «чистое, праведное создание» и называет ангелом, что опять-таки очень напоминает отношение Алеши Валковского к Кате.

Впрочем, поведение отца относительно сына, как оно изображено в романе, очень упрощено и выпрямлено: это не сложная цепь взаимных недоразумений и взаимных страданий, как то явствует из переписки Врангеля и Достоевского (впрочем, мы, к сожалению, не знаем, как рисовал эти отношения Врангель), а холодный и голый расчет и обман. Упростив многие характеры, усилив момент социального обличения, Достоевский отошел от своих многочисленных первоначальных планов и набросков и написал, по собственному выражению, «фельетонный роман» (20, 133).¹⁷

Однако, как мы старались показать, многие элементы главного семипалатинского замысла — «главной повести», «большого романа» — были здесь использованы. Замысел романа, который мыслился как жизнеописание героя с драматической судьбой, героя, близкого автору (писателя?), и который на какой-то стадии развития замысла представлялся как роман с сильным сатирическим элементом, вроде авантюрного или плутовского, но в этом своем варианте был оставлен, — замысел этот претерпел большую эволюцию, сократился и трансформировался в роман из петербургского быта с автобиографическим героем.

Позднее замысел «большого романа», посвященного описанию всей жизни героя, разным стадиям его становления и развития, Достоевский пытался реализовать в «Житии великого грешника», а может быть, и в задуманном продолжении «Братьев Карамазовых».¹⁸ Но в таком виде роман этот так и не был никогда написан.

¹⁷ Термин «фельетонный роман» возник под влиянием письма А. А. Григорьева к Н. Н. Страхову от 12 августа 1861 г., в котором содержалась весьма критическая оценка «Униженных и оскорбленных». В статье «Воспоминания об Аполлоне Александровиче Григорьеве» Страхов процитировал письмо к нему Ап. Григорьева, где, в частности, говорилось, что редакции «Времени» следовало «не загонять, как почтовую лошадь, высокое дарование Ф. Достоевского, а холить, беречь его и удерживать от фельетонной деятельности» (Эпоха. 1864. № 9. С. 9). Достоевский, задетый отзывом Ап. Григорьева, тем не менее в примечаниях к статье Страхова, напечатанных в «Эпохе» (см. выше. С. 59) вынужден был согласиться с тем, что написал «фельетонный роман», понимая под этим его злободневность и спешность написания (как фельетон в газете).

¹⁸ См. об этом в послесловии Г. М. Фридендера — 3, 491.